

Христа (Ин. 20: 2–10) как символическое изображение греческой и латинской Церквей (PL. T. 215. Col. 457–458; ср. с. 267).

Исследователь не точен, когда он представляет провозглашенную на втором Лионском соборе в 1274 г. против отрицающих Filioque анафему как отлучение всех, кто имел бы «любое сомнение» в этом учении (с. 291). Почему автор полагает, что соборные решения только углубили разрыв между Церквями (там же), остается неясным. Хотя по отношению к этому времени действительно можно говорить о политике «возвращения» греков, это понятие, вопреки утверждению ученого, не исключает «униональной», т.е. направленной на объединение Церквей, идеи (ср. с. 292–293). Сложно поддержать и мнение Г. Аввакумова, согласно которому невключение Filioque в греческий Символ веры могло скрыть столь значительное событие, как принятие римского исповедания (с. 295); в этом случае речь скорее идет о попытке Михаила VIII не давать повода к дальнейшей полемике в собственной Церкви посредством сохранения привычного для его подданных текста. Исследователь называет греко-латинские споры «усилиями по взаимопониманию» (Verständigungsbemühungen) и усматривает в желании императора обойти спорные вопросы доказательство того, что заключенные в Лионе соглашения были «нечестными» (с. 296–297). Это мнение было бы правильным только в том случае, если бы литургические различия вместе с Filioque не использовались бы в Византии большей частью лишь как предлоги для обоснования независимости от римской Церкви.

В пятом, последнем разделе книги подробно представлены мнения латинских богословов о греческих богослужебных обычаях. Только здесь Г. Аввакумов обращается с немногими словами к истинному началу литургической полемики в 867 г. в окружном послании Фотия и в писаниях Энея Парижского и Ратрамна Корбийского (с. 343–346).

Книга весьма богата сведениями и содержит немало интересных наблюдений, однако не все ее разделы выглядят в этом отношении одинаково. Автору в целом удалось представить широкую картину литургических спорных вопросов XI–XIII вв. и тогдашних мнений о богослужебном своеобразии обеих Церквей. Однако поскольку униональная идея исторически была связана более с утверждением первенства римского епископа, чем с признанием греческого обряда латинскими богословами, название работы не совсем точно отражает ее содержание. Примененный исследователем способ цитирования, при котором значительные части текста приводятся по-гречески или на латыни часто без немецкого перевода, кажется неудачным. Несмотря на отмеченные недостатки, издание первых трех и последнего разделов книги на русском языке после необходимой доработки было бы желательным.

А.В. Бармин

Π α π ο υ λ ί δ η ς К.К. Πορφύριου Ουσπένσκι Ἀγιορειτικῶν ἐποπτεία. Ἀγιον Ὅρος, Καρυές, 2005 (Ἀγιορειτικὴ βιβλιοθήκη). 173 σ.

Новая книга известного греческого историка К.К. Папулидиса посвящена одному из самых выдающихся русских византинистов XIX в. епископу Порфирию Успенскому. Во введении автор приводит свидетельства об интересе русского общества к православному Востоку, непосредственно связанном с государственной политикой России в восточном вопросе. Первым русским ученым, который занимался историей Афона, был архимандрит, впоследствии епископ Порфирий Успенский. К.К. Папулидис отмечает, что греческие исследователи уделяли мало внимания личности ученого: только Г. Смирнакис бегло упомянул его в своей «Истории Афона». По-видимому, как раз эта лакуна в греческой историографии не только обусловила выбор К.К. Папулидисом темы для исследования, но и во многом определила жанр его книги.

Представив во вступительной главе обзор архивных источников и русской библиографии о еп. Порфирии, К.К. Папулидис приступает к изложению биографии ученого. Русский читатель, знакомый с дневником Порфирия «Книга бытия моего», со статьями А.А. Дмитриевского и материалами к его биографии, вероятно, почерпнет здесь для себя мало нового. Не так обстоит дело с читателем греческим. Ведь для каждого образованного грека имя Порфирия связано с двумя равно негативными образами: это тот человек, который, во-первых, на протяжении нескольких десятилетий похищал греческие рукописи из монастырей Востока и, во-вторых, был ярким представителем русского панславизма,

враждебного эллинизму. На чем базируется такое явно искаженное представление об ученом, который так много сделал для изучения истории греческой культуры, а в своей церковно-общественной деятельности был чужд национализма? Разумеется, не на знакомстве с трудами самого Порфирия, а на статьях и книгах греческих историков, таких, как архиеп. Хризостом Пападопулос, митр. Хризостом Калаидзис, Г. Смирнакис, Х. Ктенас и др. К.К. Папулидис приводит обширные выдержки из работ этих авторов, которые порой говорят сами за себя как крайней невоздержанностью в эпитетах, так и очевидными фактическими ошибками (они отмечены автором книги в подстрочном комментарии). К.К. Папулидис деликатно воздерживается от непосредственной полемики со своими предшественниками, а собственное суждение о деятельности Порфирия приводит на нескольких заключительных страницах к разделу.

К.К. Папулидис склонен положительно оценивать роль Порфирия как ученого. Когда исследователь пишет тысячи страниц своих трудов, то не стоит удивляться, что он иногда допускает ошибки, которые, однако, не могут серьезно умалить ценности научных заслуг Порфирия.

Болезненный вопрос об изъятии листов из рукописных кодексов решается автором достаточно мягко. Этот человеческий недостаток, замечает он, отнюдь не является поводом к тому, чтобы перестать уважать в Порфирии истинного ученого. Добавим здесь, что все вырванные из кодексов фрагменты им тщательно надписывались, из какой библиотеки и из какой рукописи они происходят; таким образом, они не утратили своей ценности для исследователя. К.К. Папулидис подчеркивает то обстоятельство, что Порфирий каждый раз ехал на Восток по поручению русского правительства, и потому его действия нельзя рассматривать как произвол частного лица. В этой связи уместно, на наш взгляд, вспомнить, как сам Порфирий объяснял свои поступки в монастырях Востока. В беседе с Александрийским патриархом Калиником 28 ноября 1860 г. он говорил: «У нас старина может исчезнуть и попасть в руки англичан, французов, немцев, а у нас она будет сохранена. Наша католическая Церковь есть один большой дом, в котором вместе живут еллины и скифы... Допустим, что она понадобится для ученых справок. Что же? Приезжайте к нам и справляйтесь по ней, как приезжаем к вам мы и роемся в ваших библиотеках»¹. Кстати, обвиняя еп. Порфирия в неблаговидных поступках, некоторые ученые коллеги почему-то не считают нужным упомянуть о методах приобретения рукописей в тот же самый период западными коллекционерами.

Конечно, Порфирий не был строгим критиком своих источников; зачастую он использовал поддельные документы, излишне доверчиво относился к преданиям и легендам. К.К. Папулидис несколько раз повторяет в связи с этим слова о. Г. Флоровского о том, что Порфирий был скорее антикваром и эрудитом, чем исследователем. Позволим себе, однако, заметить, что предшественников в изучении Афона ученый не имел. Если мы обратимся к трудам многих других маститых историков первой половины и середины XIX в., то обнаружим у них немало суждений, которые кажутся теперь наивными, устаревшими и ошибочными. Между тем грекоязычные истории Афона появятся только спустя несколько десятилетий после трудов Порфирия, а на русском языке его книги до сих пор являются единственными в своем роде.

Следующие две части книги К.К. Папулидиса имеют целью популяризацию произведений еп. Порфирия: это список его печатных трудов и краткое изложение на греческом языке содержания книг об Афоне.

В целом книга К.К. Папулидиса представляется нам значительным событием в греческой истории византистики. Это не только первое специальное исследование на греческом языке о нашем выдающемся соотечественнике, но и первая решительная попытка защитить достоинство поистине почтенного ученого в глазах людей, относящихся к нему предвзято и несправедливо. Судить ученого следует по его трудам и вкладу в науку, а не по его отдельным поступкам и распространенным предвзятым суждениям о нем – таков девиз К.К. Папулидиса, которым он руководствуется в своей книге о Порфирии Успенском.

Л.А. Герд

¹ ПФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 51. Л. 103–103 об., 115–115 об.